

С.В. Потраишков

1812 ГОД И УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ПОСТЪЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

Празднование 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года ожидаемо вызвало на Украине всплеск интереса к событиям той далекой эпохи. В Днепропетровске, Киеве, Луцке, Харькове прошли научные конференции и круглые столы, посвященные 1812 году. Участие в них приняли историки, работники музеев и библиотек, краеведы. Отмечалось участие в ряде мероприятий исследователей из России. По итогам этих научных форумов вышел ряд публикаций, анализ которых дает возможность оценить состояние изучения на Украине комплекса проблем, связанных с Отечественной войной 1812 года.

В целом такой анализ не дает оснований для большого оптимизма. Ранее мы уже отмечали, что систематического изучения Отечественной войны 1812 года не ведется, документы местных архивов, относящиеся к эпохе, не осваиваются и не публикуются. Потому и большинство публикаций юбилейного года страдают теми же недостатками, что и в предшествующие десятилетия: ограниченная источниковая база, слабое знание современной иностранной историографии, узко местнический характер освещаемых событий¹.

Своеобразным итогом публикаций юбилейного года стала выпущенная Институтом истории Национальной академии наук Украины книга «Война 1812 года: украинский контекст», увидевшая свет в декабре 2012 г.² Её авторы А.И. Гуржий, А.П. Реент, А.А. Палий – доктора наук, профессора, сотрудники Института истории НАН Украины, что предполагает высокий уровень освещения проблемы. Книга классифицируется как «научное издание», хотя в аннотации говорится, что она освещает события «в научно-популярной форме». И действительно, книге для научности явно не хватает справочного аппарата: ссылок на источники,

примечаний. В помещенном в ее конце списке «основных» использованных источников и литературы всего-навсего 44 наименования и напроочь отсутствуют упоминания каких-либо архивных источников.

Структура работы во много традиционна. Первая часть «Накануне» освещает происхождение конфликта, планы противоборствующих сторон, состояние вооруженных сил. Часть вторая «Вторжение» посвящена собственно событиям 1812 года. Часть третья «Украинцы в Европе» – заграничным походам. Наконец, четвертая часть «Активизация национально-освободительного движения в России и Украине после войны» повествует о последствиях победы над Наполеоном.

Рассмотрим подробнее основные тезисы авторов юбилейной работы. Сразу предупреждаем, что искать какие-либо новации в подходах тщетно. Уже в предисловии авторы повторяют избитый тезис эмигрантской историографии о надеждах, которые якобы связывала с приходом Наполеона «украинская интеллигенция», ссылаясь на давным-давно известные примеры, не имевшие отношения к 1812 г., и лукаво записывая в число этой «интеллигенции» польских магнатов, именуя их то волынскими, то подольскими деятелями³. Подобные утверждения более десятка лет назад поставил под сомнение автор этих строк, а «добил» их львовский историк В. Ададуrow, опираясь на данные французских архивов. Здесь же авторы предлагают «пытливному» читателю самостоятельно разобраться, была ли война для Украины «отечественной».

Анализ генезиса российско-французского конфликта не несет в себе ничего нового. Авторы отмечают определенный интерес французов к Украине как части Российской империи и к украинским казакам. Освещая военно-политические события 1799, 1805–1807 гг. делают ударение на участие в них военачальников – выходцев из Украины.

Повествуя об оборонительных мероприятиях российских властей, авторы относят к ним формирование конного казачьего ополчения на Украине. К ополчению, т.е. иррегулярной силе, они почему-то относят Украинскую казачью дивизию, которая изначально формировалась как регулярная воинская часть, ядро будущего восстановленного украинского войска. Что же касается малороссийских казачьих полков, эскадрона Скаржинского, Полтавского и Черниговского конного и пешего ополчения, то эти действительно ополченские формирования, как хорошо известно, возникли в соответствии с царским манифестом от 6 июля 1812 г., уже после вторжения Наполеона. На что, кстати, указывает и датировка документов, цитируемых авторами⁴.

Характеризуя планы Наполеона относительно Украины, авторы отмечают, что кроме источника снабжения продовольствием, он видел в ней

и источник пополнения военных сил. Они пишут о 60 тыс. всадников, на которых якобы в 1812 г. рассчитывало «окружение» императора. Откуда взяты такие сведения, к сожалению, не известно, так как ссылок в тексте книги вообще нет⁵.

Далее повторяется старая история о планах создания из части украинских земель «Наполеониды». О том, что эти планы исходили из польских кругов (генерал Сокольницкий), и не факт, что они были известны самому Наполеону, авторы умалчивают. Таким образом, снова реанимируется на «академическом» уровне версия эмигранта-фальсификатора И. Борщака, давно и убедительно опровергнутая В. Ададуриным. Думается, академикам следовало бы об этом знать.

Событийная сторона Отечественной войны подается в книге в соответствии с трактовкой советских авторов, труды которых, собственно, и составляют подавляющую часть списка использованной литературы, приведенного в ее конце. Раскрывая тему участия украинцев в войне, авторы прибегают к нехитрому приему, позаимствованному ими также из советского прошлого: все полки русской армии, носившие названия украинских городов и местностей, характеризуются как «украинские» и по национальному составу. В то же время авторы не могут скрыть, что формирование казачьих частей и ополчения в ряде украинских местностей вызвало у населения энтузиазм, готовность нести тяготы и жертвы ради победы над врагом⁶.

Признается и факт того, что украинское дворянство также негативно отнеслось к вторжению Наполеона, поскольку опасалось возможных угроз крестьянских волнений и потрясения всего общественного уклада⁷. Упоминаются в книге «мнимые и реальные сторонники Наполеона» на Украине. Однако, кроме давным-давно известных помещиков Я. Мочуговского и В. Лукашевича, а также украинца по рождению Могилевского архиепископа Варлаама (Шишацкого), никаких новых фамилий не приводится⁸.

Подробно освещаются в книге бои за Смоленск и Бородинское сражение. В описании последнего авторы допускают путаницу, ставящую под сомнение их компетентность в данном вопросе. Так, Шевардинский бой отнесен к событиям 26 августа и вписан в общий контекст борьбы на левом русском фланге, а действия корпуса Понятовского – к «кровавым событиям на правом фланге»⁹. Рейд Платова и Уварова характеризуется как успешный, вызвавший панику в рядах противника. Приведенные в книге данные о потерях – 58 тыс. у французов и 44 тыс. у русских – также не соответствуют современным оценкам. Авторы уходят от оценок

результатов сражения, подчеркивая жертвенность, проявленную в битве солдатами-украинцами.

В части книги, посвященной завершающему этапу войны, наше внимание привлекла глава под заголовком «Деятельность украинских партизан». Оказывается в 1812 г. были и такие. Авторы пишут, что по своему типу «украинские партизаны» делились на две взаимосвязанные, созданные почти одновременно и функционировавшие параллельно группы: армейскую и крестьянскую¹⁰. Далее речь идет главным образом о действиях отряда Д.В. Давыдова. В «украинские партизаны» он попал, по-видимому, в силу того, что в его отряд входили бугские казаки, которых авторы также, вероятно, считают украинцами. Подводя итог действиям отряда Д.В. Давыдова, авторы констатируют: «Таким образом, из приведенных данных видно, что в боях с нашей стороны решающую роль, очевидно, играли украинцы, ибо их физические потери в несколько раз превышали российские»¹¹.

Говоря о «чисто» крестьянских партизанских отрядах, авторы отмечают роль дворянства в их создании. В то же время они связывают этот процесс с ростом классовой борьбы в условиях войны и неприятельской вторжения, что также является тезисом советской историографии. Из народных героев названы два хрестоматийных персонажа: Ермолай Четвертаков и Федор Потапов («Самусь»). Очевидно, их украинские корни дали авторам основание причислить эти легендарные персонажи к украинским партизанам.

Что касается действий малороссийских конных казачьих полков, Полтавского и Черниговского ополчения, где действительно преобладали украинцы, то о них встречается лишь беглое упоминание.

В части книги, посвященной заграничным походам русской армии, содержится краткое схематичное описание главных военных событий 1813–14 гг. То тут, то там в тексте встречаются напоминания о том, что «значительную часть царских военных, разумеется, составляли выходцы с Украины»¹². Нельзя без улыбки читать один из заголовков книги: «Ватерлоо и украинцы». Участие последних в знаменитой битве сводится к одной фразе: «Не только свидетелями, а и активными участниками сокрушения империи Наполеона были выходцы из Украинских губерний Российской империи»¹³.

В заключительной части книги итоги и последствия войны рассмотрены исключительно с точки зрения ее влияния на развитие освободительного движения в Российской империи, т.е. авторы следуют советской марксистской исторической парадигме, хорошо известной по работам М.В. Нечкиной, С.Б. Окуня, О.В. Орлик и других авторов.

Таким образом, коллективный юбилейный труд авторов ведущего научного учреждения Украины свелся к повторению давно известных фактов и оценок. Не добавлено ни одного нового факта, уточненной цифры, нового имени. Да и весь «украинский контекст» сводится к лейтмотиву: «среди них были и украинцы». Вместо серьезного научного исследования, подводящего итог почти 180-летней истории изучения на Украине Отечественной войны 1812 года, из-под пера украинских академиков вышел ученический реферат избобилующий фактическими ошибками и основанный на устаревшей литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подр. см.: *Потрашков С.В.* Отечественная война 1812 года – взгляд с Украины // *Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы.* М., 2013. С. 480-488.

² *Гуржій О., Ресн О., Палій А.* Війна 1812 року: українській контекст. К.: Інститут історії України, 2012.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 22–24.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 38–40, 42–44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 45, 46.

⁹ Там же. С. 54, 55.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Там же. С. 66.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 102.